

Игумнов Е. В. Создание и деятельность Приамурского военно-топографического отдела в конце XIX — начале XX веков / Е. В. Игумнов // Научный диалог. — 2021. — № 11. — С. 347—362. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-347-362.

Igumnov, E. V. (2021). Creation and Activity of Priamursk Military Topographic Department in Late 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 11: 347-362. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-347-362. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-347-362

Создание и деятельность Приамурского военно- топографического отдела в конце XIX — начале XX веков

Игумнов Евгений Владимирович

orcid.org/0000-0002-3260-4824

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и философии
eigumnov@list.ru

Санкт-Петербургский государственный
университет ветеринарной медицины
(Санкт-Петербург, Россия)

Creation and Activity of Priamursk Military Topographic Department in Late 19th — Early 20th Centuries

Evgeny V. Igumnov

orcid.org/0000-0002-3260-4824

PhD in History, Associate Professor
Department of History and Philosophy
eigumnov@list.ru

Saint-Petersburg State Academy
of Veterinary Medicine
(Saint-Petersburg, Russia)

© Игумнов Е. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается история возникновения и развития военно-топографической службы на Дальнем Востоке в досоветский период. Уделяется пристальное внимание предпосылкам создания Приамурского военно-топографического отдела. Показана роль чинов Корпуса военных топографов, Восточно-Сибирского военно-топографического отдела в присоединении и освоении Приамурья и Уссурийского края во второй половине XIX века. Прослеживаются изменения в численном составе Приамурского военно-топографического отдела. Выявляется значимость топографических и астрономо-геодезических работ для решения задач внешней политики Российской империи в Восточноазиатском регионе. Подробно раскрывается деятельность Приамурского отдела в Маньчжурии, участие военных топографов в событиях русско-японской войны 1904—1905 годов. Выявляется вклад Приамурского отдела в экономическое освоение юга Дальнего Востока и Забайкалья. Освещаются работы топографов в рамках вспомогательных мероприятий по строительству Транссиба и Амурской железной дороги, при проведении геологических исследований в Приморско-Амурских золотоносных районах. Приводятся данные, которые подтверждают, что деятельность военных топографов на Дальнем Востоке не ограничивалась выполнением одних военных функций и была призвана обеспечивать интересы различных государственных учреждений и ведомств.

Ключевые слова:

Дальний Восток; государственная власть; внешняя и внутренняя политика Российской империи; военные топографы; картографирование; русско-японская война; Транссиб.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The history of the emergence and development of the military topographic service in the Far East in the pre-Soviet period is considered. Close attention is paid to the prerequisites for the creation of the Amur military topographic department. The role of the ranks of the Corps of Military Topographers and the East Siberian Military Topographic Department in the annexation and development of the Amur Region and the Ussuri Region in the second half of the 19th century is shown. Changes in the numerical strength of the Amur military-topographic department are traced. The significance of topographic and astronomical-geodetic works for solving the problems of the foreign policy of the Russian Empire in the East Asian region is revealed. The activities of the Amur department in Manchuria, the participation of military topographers in the events of the Russian-Japanese war of 1904—1905 are disclosed in detail. The contribution of the Amur department to the economic development of the south of the Far East and Transbaikalia is revealed. The work of topographers in the framework of auxiliary measures for the construction of the Transsib and the Amur railway, during geological research in the Primorsko-Amur gold-bearing regions is presented. In conclusion the results are summarized, data that confirm that the activities of military topographers in the Far East were not limited to the performance of some military functions and was intended to ensure the interests of various government institutions and departments is provided.

Key words:

Far East; government; foreign and domestic policy of the Russian Empire; military topographers; mapping; Russian-Japanese war; Transsib.

УДК 528.4(571.61/.62)“19/20”

Создание и деятельность Приамурского военно-топографического отдела в конце XIX — начале XX веков

© Игумнов Е. В., 2021

1. Введение

Создание и развитие военно-топографической службы в России неразрывно связано с совершенствованием военного дела и усилением значимости картографических материалов в решении государственных задач в мирное и военное время. Во второй половине XIX — начале XX веков одним из приоритетных направлений внешней и внутренней политики Российской империи становится восточно-азиатский вектор. Россия укрепила свои позиции на Кавказе, расширила владения в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, развернула освоение новых территорий. Процесс их освоения сопровождался сбором сведений о населении, природе и климате каждого региона, организацией и проведением топографо-геодезических работ, составлением карт.

Формирование военно-топографической службы в восточных районах страны началось в 1810—1820-е годы вместе с деятельностью Военно-топографического депо, образованного в 1812 году, и Корпуса военных топографов (далее — КВТ), учрежденного в 1822 году. В 1832 году были созданы 3 и 4 роты топографов при отдельных Кавказском, Оренбургском и Сибирском военных корпусах. В 1847 году учреждена небольшая геодезическая часть при генерал-губернаторе Восточной Сибири, представлявшая собою $\frac{1}{4}$ 2-й полуроты роты топографов № 4 Сибирского корпуса. В 1853 году сформирован Кавказский военно-топографический отдел, в 1866—1868 годах в ходе реформ Александра II образованы топографические отделы при Оренбургском, Туркестанском, Западно- и Восточно-Сибирском военных округах [Де-Ливрон, 1880, с. 8]. Во второй половине XIX — начале XX веков военно-топографические отделы внесли весомый вклад в изучение Кавказа, Сибири, Центральной Азии и сопредельных государств, обеспечение картографическими материалами внешней политики Российской империи, способствовали созданию системы эффективного управления отдаленными районами.

Цель статьи — раскрыть предысторию создания Приамурского военно-топографического отдела, рассмотреть его деятельность по обеспечению внешней политики Российского государства в Восточноазиатском ре-

гионе, проследить его участие в освоении дальневосточных земель в конце XIX — начале XX веков.

История развития Приамурского военно-топографического отдела нашла отражение в различных работах, посвященных формированию военно-топографической службы, географическому изучению и картографированию Сибири и Дальнего Востока, но пока не стала предметом более детального исследования [Захаренко, 2009; Постников, 2018; Смагин, 2015]. Основными источниками для написания статьи послужили отчеты о работах Приамурского отдела, материалы военных топографов, регулярно издававшиеся в «Записках Военно-Топографического отдела Главного штаба», положения, штаты, указы, опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи».

2. Организация военно-топографических работ на Дальнем Востоке во второй половине XIX века и образование Приамурского военно-топографического отдела

Начало картографирования Дальнего Востока в исторической литературе связывается с проникновением русских землепроходцев на Амур и к берегам Тихого океана в середине XVII века [Захаренко, 2009]. После подписания Нерчинского договора в 1689 году и передачи Амура Китаю внимание исследователей главным образом было обращено на изучение северо-восточной части Азии и побережья Аляски. Критической точкой для пересмотра Россией политики в отношении юга Дальнего Востока стала ситуация, сложившаяся в середине XIX века [Барбенко, 2016]. Рост колониальной экспансии в странах Восточноазиатского региона со стороны западных держав, усиление мощи Японии создавали угрозу для безопасности российских владений и актуализировали вопрос о необходимости возвращения Приамурья. «Один только Амур представлял удобный путь к Тихому океану и мог удобно связать с этим океаном Восточную Сибирь», — подчеркивалось в обзоре деятельности морского управления в правление Александра II [Обзор ..., 1880, с. 307].

В 1858 и 1860 годы были заключены Айгунский и Пекинский договоры с Китаем, закрепившие за Российской империей Приамурье и Уссурийский край. Подписание договоров предшествовали мероприятия центральной власти и высшей восточно-сибирской администрации по подготовке почвы для дипломатических переговоров. Организуются, в том числе с помощью военных топографов, сбор географо-картографических данных, изучение природных ресурсов и земледельческих возможностей присоединяемых территорий. Силы военных топографов были задействованы во время амурских сплавов, инициированных генерал-губернатором

Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым в 1854—1858 годах, в предприятиях Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по исследованию Амурского бассейна и Уссурийского края, в работах по пограничному размежеванию России и Китая. Пристальное внимание уделялось Забайкалью, являвшемуся важной колонизационной базой для освоения юга Дальнего Востока.

Дальнейшее расширение деятельности военных топографов на Дальнем Востоке было обусловлено решением задач аграрной колонизации, защиты территориальных владений и нарастающим противостоянием между ведущими державами за господство в Восточноазиатском регионе. Восточно-Сибирский военно-топографический отдел (Восточно-Сибирский ВТО), учрежденный в 1866 году в Иркутске, продолжал работы топографов, связанные с освоением Амурской области и Южно-Уссурийского края, уточнением линии границы с Цинской империей. В 1874 году топографами отдела была снята большая часть прибрежной полосы вдоль Японского моря и Татарского пролива в масштабе две версты в дюйме [Записки ..., 1877, с. 30]. В течение 1860—1870-х годов состоялась серия переговоров между Россией и Японией по «Сахалинскому вопросу», сопровождавшаяся топографическими съемками на территории острова. В общей сложности на Сахалине **с 1867 по 1870 год снято более 26000 кв. верст** [Смагин ..., 2015, с. 69].

Деятельность Восточно-Сибирского ВТО была сопряжена с необходимостью преодоления многочисленных препятствий: громадности края, сурового климата, раннего наступления осени и продолжительности зимы, плохих дорог или их отсутствия, редкости населения и др. [Де-Ливрон, 1880, с. 87]. Все это отражалось на объеме и качестве производимых им топографических работ на Дальнем Востоке. В 1880-е годы произошли изменения в административно-территориальном устройстве Сибири: в 1882 году упразднено Западно-Сибирское генерал-губернаторство и образовано Степное, в 1884 году создано Приамурское генерал-губернаторство, в 1887 году Восточно-Сибирское генерал-губернаторство переименовано в Иркутское. С выделением Приамурского генерал-губернаторства начинается формирование военно-топографической службы на Дальнем Востоке.

В 1884 году на основании Высочайше утвержденного положения Военного совета об образовании Иркутского и Приамурского военных округов Восточно-Сибирский ВТО был закрыт и вместо него учреждены топографическая часть в Иркутске и Приамурский военно-топографический отдел (далее — Приамурский ВТО) [Записки ..., 1886, с. 34]. Деятельность Иркутской топографической части была сосредоточена главным образом вокруг Иркутской губернии. В задачи Приамурского ВТО входило производство

съемок в Амурской, Приморской, Забайкальской областях и Владивостокском военном губернаторстве. Первым руководителем Приамурского ВТО был назначен В. М. Шульгин (1885—1887). До назначения на пост начальника Приамурского ВТО В. М. Шульгин занимал должности начальника астрономических и геодезических работ в Казанской губернии (1867—1872), начальника триангуляции Курляндской губернии (1872—1881), начальника Восточно-Сибирского ВТО (1881—1885) [Список ..., 1911, с. 131].

Согласно штату Военно-Окружного управления Приамурского военного округа, принятому 20 мая 1884 года, в состав Приамурского ВТО входили: начальник отдела, полковник с жалованьем по чину, столовых за вычетом — 1800 р. (полных — 1953 р. 96 к.), добавочных за вычетом — 900 р. (полных — 976 р. 98 к.); один штаб-офицер для поручений и астрономических работ с жалованьем по чину, столовых за вычетом — 1500 р. (полных — 1628 р. 30 к.), добавочных за вычетом — 300 р. (полных — 325 р. 66 к.); двенадцать обер-офицеров и классных топографов с жалованьем по чинам, добавочных в виде порционных — 276 р.; один секретарь, он же заведующий топографическим складом и литографией, обер-офицер или классный топограф с жалованьем по чину, столовых за вычетом — 420 р. (полных — 455 р. 92 к.), добавочных за вычетом — 120 р. (полных — 130 р. 26 к.); два писаря с жалованьем за вычетом — 90 р. (полных — 91 р. 83 к.); один наклещик с жалованьем за вычетом — 54 р. (полных — 55 р. 10 к.); один топограф, унтер-офицер с жалованьем за вычетом — 270 р. (полных — 270 р.); два сторожа с жалованьем за вычетом — 6 р. 60 к. (полных — 6 р. 73 к.). На канцелярские и чертежные припасы предусматривалась сумма в размере 800 р., на усиление жалованья писарям, наклещику и сторожам — 200 р. Все чины, поименованные в Штате, пользовались преимуществами службы, дарованными служащим в Восточной Сибири [ПСЗРИ-III ..., 1887, с. 186]. По Штату КВТ, утвержденному 19 июня 1887 года, Приамурскому ВТО полагалось иметь 16 человек, из них — 1 со званием генерала, 1 полковника, 2 подполковников, 7 капитанов и штабс-капитанов, 5 поручиков и подпоручиков [ПСЗРИ-III ..., 1887, с. 230]. В 1896 году общая численность отдела доведена до 29 человек. Обострение международной обстановки в Восточноазиатском регионе в начале XX века привело к увеличению личного состава Приамурского ВТО. В 1901 и 1906 годах численность отдела доходила до 63 и 75 человек соответственно.

После В. М. Шульгина пост начальника Приамурского ВТО занимали П. И. Гладышев (1887—1900), М. П. Поляновский (1900—1904), С. С. Козловский (1904—1911), И. И. Селиверстов — временно исполняющий дела начальника отдела (1911—1912), А. Д. Давыдов (1912—1917).

3. Деятельность Приамурского военно-топографического отдела в контексте внешней политики Российской империи в Восточноазиатском регионе в конце XIX — начале XX века

К концу XIX века Российская империя входила в число ведущих государств, влиявших на развитие международных отношений в Восточноазиатском регионе. Внешняя политика России на Дальнем Востоке определялась обострившейся борьбой между великими державами за раздел Китая, действиями со стороны Японии, которая при поддержке Англии и США на рубеже XIX—XX веков превратилась в одного из главных противников Российской империи, борющихся за влияние в северо-восточном Китае и Корее.

До середины 1890-х годов Россия стремилась сохранять в отношениях с Китаем равноправный диалог, предпочитая придерживаться тактики мирного экономического проникновения и больше концентрируясь на фиксации уже достигнутых результатов. Приамурский ВТО, после образования в 1884 году, продолжал топографическую съемку ВСО ВТО в приграничных с Китаем районах Уссурийского края. В 1884—1886 годах топографы отдела были заняты в работах комиссии по проверке российско-китайской границы в пределах Южно-Уссурийского края. В состав комиссии с российской стороны входили начальник штаба войск Приморской области полковник Л. Н. Кладо, пограничный комиссар Южно-Уссурийского округа Н. Г. Матюнин и начальник Приамурского ВТО В. М. Шульгин [Надаров ..., 1888, с. 479]. В 1886 году к комиссии причислены геодезист М. А. Назарьев, 2 производителя тригонометрических работ и 11 съемщиков, которыми по обе стороны границы в одноверстном масштабе была снята полоса длиной в 554 версты. По итогам съемок в 2-х экземплярах составлены «Планы частей государственной границы», переданные российскому и китайскому председателям комиссии [Записки ..., 1888, с. 28].

Поражение Китая в войне с Японией в 1894—1895 годах стало причиной дальнейшей активизации внешней политики Российской империи на Дальнем Востоке. В 1896 году между Россией и Китаем был заключен секретный договор о создании оборонительного союза против Японии и строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), в том же году подписан договор с Японией о совместном протекторате над Кореей, в 1898 году с Китаем — конвенция о безвозмездной аренде Ляодунского полуострова с Порт-Артуром на 25 лет. Предпринятые правительством шаги по усилению экономического и политического присутствия России в Восточноазиатском регионе были подкреплены топогеодезическими работами. Началу строительства КВЖД предшествовала отправка Корпусом военных топографов в Маньчжурию трех топографических партий. С конца 1890-х годов к топографической съемке в Маньчжурии был привлечен Приамур-

ский ВТО. В 1898 году в съемках на Ляодунском полуострове участвовало четверо топографов Приамурского ВТО. Ими сняты в крупном масштабе Порт-Артур и его внутренние бухты — в масштабе 250 саж. В дюйме — 229 кв. верст в окрестностях бухты Талиенвана [Записки ..., 1900, с. 16]. В 1899 году семью съемщиками к юго-западу от граничной линии Бидзево — Бухта Адамс снято в масштабе 1 верста в дюйме 2246 кв. верст. Кроме того, велись геодезические и астрономические работы. Одним производителем работ на пространстве от Бидзево до Порт-Артура выполнены наблюдения и построено 26 геодезических пирамид, начальником Приамурского ВТО П. И. Гладышевым в ходе семи хронометрических рейсов определены 23 новых астрономических пунктов и 5 вторично [Записки ..., 1901, с. 13—15]. Планомерные топогеодезические работы, прерванные восстанием ихэтуаней в 1900 году, были продолжены Приамурским ВТО в 1901 году. Топографическая съемка в составе двух начальников отделений и 38 съемщиков велась на Ляодунском полуострове и в Мукденской провинции, в Гиринской и Хейлуцзянской провинциях Северной Маньчжурии. Астрономические работы, которые должны были дать необходимое количество опорных пунктов для съемок, производились на территории Маньчжурии и Кореи. В общей сложности определены 75 пунктов [Записки ..., 1903, с. 16]. В 1902 году двумя производителями работ было исполнено телеграфное определение разности долгот между Благовещенском и Мергеном, Мергеном и Цицикаром, Цицикаром и Харбином, Харбином и Гирином, Харбином и Куанчендзы, в Северной Маньчжурии определен астрономический пункт Каранак. Геодезистом В. В. Дмитриевым проложен тригонометрический ряд между Ляояном и Фынхуанченом [Записки ..., 1905, с. 15]. Работами 1902 года завершилась топографическая съемка Ляодунского полуострова. Двумя отделениями под руководством двух начальников в составе 17 съемщиков в масштабе 2 версты в дюйме была произведена съемка гористой местности до линии Ляоян — Фынхуанчен — устье р. Ялу. В течение 1903 года топографическая съемка главным образом велась в Северной Маньчжурии и Корее: по правому берегу р. Амура и по течению р. Ялу. В 1903 году по р. Ялу и в Северной Корее 7 хронометрическими рейсами было определено 18 пунктов, начальником Приамурского ВТО М. П. Поляновским определена долгота Ляояна по отношению к Порт-Артуру [Записки ..., 1906, с. 20]. Итогом топогеодезических работ Приамурского отдела явилось составление и издание 10-верстных карт Северной и Южной Маньчжурии, 4-верстной и 20-верстной карт Мукденской провинции, карты и планы, предназначенные для нужд войск и управлений.

Занятие Россией Ляодунского полуострова, рост притязаний Японии на полное господство в Корее усугубили конфликт между двумя держава-

ми. 24 января 1904 года российский министр иностранных дел В. Н. Ламздорф получил от японского посла ноту о разрыве дипломатических отношений, а в ночь на 27 января без объявления войны японский флот напал на порт-артурскую эскадру [Ушаков ..., 2003, с. 143—144].

До осени 1904 года высшее российское командование не уделяло необходимого внимания организации топографических съемок. В первые месяцы войны в местах ведения боев использовались материалы, полученные во время топогеодезических работ 1898—1902 годов. По мере отступления русских частей, в ходе сражений при Ляояне и на р. Шахэ в августе — октябре 1904 года, «положение армии в отношении планов и карт района военных действий ухудшилось», — отмечалось в отчете о работах КВТ в Маньчжурии в 1904—1906 годах [Записки ..., 1918, с. 3]. В сентябре 1904 года из топографов, состоявших на службе в Европейской России и Сибирском ВТО, была образована I Маньчжурская съемка, в апреле 1905 года — II Маньчжурская съемка, благодаря чему к лету 1905 года топогеодезические работы приобрели должное развитие.

С началом русско-японской войны деятельность Приамурского ВТО оказалась ослабленной вследствие прикомандирования топографов отдела к штабам армий и корпусов. Только 14 июня 1904 года наместником Его Императорского Величества на Дальнем Востоке Е. И. Алексеевым был утвержден проект Маньчжурских работ, и Приамурский ВТО, усиленный 20 чинами, смог приступить к топографической съемке между городами Ляояном и Мукденом, затем в районе между городами Мукденом, Синцинтинном и Фушунном. Астрономо-геодезические работы состояли в измерении базиса возле Харбина, в прокладывании к западу, востоку и югу от Харбина тригонометрических сетей, определении астрономических пунктов между Ляояном и Телином. В 1905 году топогеодезические работы производились в окрестностях Харбина, вдоль КВЖД и южной ветви железной дороги. Двумя производителями астрономических работ определены 10 пунктов между Бодунэ и Цицикаром [Записки ..., 1910, с. 28].

С заключением Портсмутского мира и началом эвакуации русской армии деятельность топографических съемок на территории Маньчжурии не была приостановлена. Наоборот, с целью получить более полные сведения о Северной Маньчжурии в марте 1906 года была сформирована III Маньчжурская съемка. Чины Приамурского отдела ВТО, продолжая астрономо-геодезические работы предыдущих лет, в 1906 году определили 118 пунктов 2-го класса и 9 — 3-го класса. Кроме того, в 1906—1907 годах капитаном А. Ф. Ахматъевым производились астрономические работы в составе международной Русско-Японской комиссии по разграничению острова Сахалин [Глушков ..., 2007, с. 412].

После завершения русско-японской войны основные усилия российской дипломатии были переключены на европейские вопросы. В Восточноазиатском регионе Российская империя выбрала курс на поддержание статус-кво и сохранение мирных отношений [Пестушко ..., 2014]. С 1907 года деятельность Приамурского ВТО была перенаправлена на укрепление обороноспособности и топогеодезическое обеспечение развития внутренних районов Дальнего Востока.

4. Участие Приамурского отдела ВТО в освоении Дальнего Востока

С начала формирования военно-топографической службы в Российской империи ее функции выходили далеко за рамки обеспечения только военных учреждений. Корпус топографов при Главном Штабе Его Императорского Величества создается с тою целью, — указывалось в Положении 1822 года, — «чтобы успешнее могли производиться съемки государственные во время мирное и обозрение мест в тылу армии в военное» [ПСЗ ..., 1822, с. 48]. Согласно Положению 1866 года приоритет отдавался работам, связанным с решением задач, стоявших перед военным ведомством. Но и после этого КВТ не утратил своего общегосударственного значения. Особенно это было характерно для Сибири, где военно-топографические отделы обладали по сравнению с другими учреждениями (Съемочное отделение при Главном управлении Восточной Сибири, межевые отделы при Сибирском и Забайкальском казачьих войсках, Переселенческое управление и др.) наиболее подготовленными кадрами и материально-техническими ресурсами, способными обеспечить топографическую съемку местности и подготовку карт для нужд центрального правительства и региональной администрации.

Деятельность Приамурского ВТО преимущественно приходилась на районы, представлявшие интерес как с военно-стратегической, так и с колонизационной точки зрения: местности, расположенные рядом с китайской границей, заселенная часть Южно-Уссурийского края, течение р. Амура, речки, впадающие в реки Амур и Усури, Забайкальская область. Актуальность топогеодезических работ на Дальнем Востоке и в Забайкалье возросла с сооружением Транссибирской железнодорожной магистрали. В ходе строительства Транссиба был организован комплекс вспомогательных предприятий, направленных на облегчение постройки пути и содействие экономическому развитию прилегающих к дороге земель. В марте 1893 года, согласно Высочайшему утвержденному положению Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД), штаб Иркутского военного округа был пополнен 39 чинами КВТ [РГИА, ф. 364, оп. 6, д. 8, лл. 6—9 об.]. В течение нескольких лет ими производились топографические и астрономические работы по линии проектированного участка железнодорожного пути, от селения Мысовое до ста-

ницы Покровской. Приамурским ВТО в 1894—1896 годах были выполнены топогеодезические работы по линии железной дороги между Хабаровском и Владивостоком: топографическая съемка по р. Усури в масштабе 2 версты в дюйме, нивелировка от станции Муравьев-Амурский до Владивостока длиной в 425 верст [Записки ..., 1898, с. 16].

Строительство Транссиба дало толчок к организации геологического изучения Сибири. Геологические изыскания, в свою очередь, сопровождались производством топогеодезических работ. В 1895 году была образована Комиссия для сбора и разработки сведений о сибирской золотопромышленности. На основании ее ходатайства Приамурский ВТО в 1897 году командировал в Зейский золотоносный район 2 съемочных отделения в составе 2 начальников и 10 съемщиков. Им удалось произвести съемку на пространстве в 11 500 кв. верст в масштабе 2 версты в дюйме. Начальник отдела П. И. Гладышев исполнил 9 хронометрических рейсов и определил 15 астрономических пунктов. В 1898 году в Зейском золотоносном районе полковником С. Я. Барановым исполнено 3 хронометрических рейса, определено 7 астрономических пунктов, двумя партиями топографов снято 9450 кв. верст [Записки ..., 1900, с. 16]. В 1899 году топографической съемкой были охвачены Кербинский золотоносный район Приморской области (снято 3600 кв. верст) и Ниманский Амурской области (500 кв. верст). Одним производителем астрономических работ определено 24 астрономических пункта. В 1900—1903 годах в золотоносных районах Приморской и Амурской областей в общей сложности было снято более 29 000 кв. верст. В 1900 году с целью дать опорные пункты для топографических съемок определено 21, в 1901 году — 17 астрономических пунктов.

По мнению А. Н. Демьяненко, после окончания русско-японской войны Дальний Восток «становится макрорегионом не только в административном, но и в экономическом отношении», и весь Дальний Восток, «а не только его южная часть, стал восприниматься как целостный экономический объект», хотя по-прежнему «основное внимание и центральной, и местной властью, уделялось нынешнему Приморью и Амурской области» [Демьяненко, 2018, с. 9]. Социально-экономическому росту региона, его вовлечению в общероссийский рынок способствовали политика государственной власти, поощряющая переселение граждан из центральных районов страны в Сибирь и на Дальний Восток, строительство Амурской железной дороги в 1908—1916 годах. Одновременно возрос объем исследовательских и топогеодезических работ, выполняемых разными учреждениями и ведомствами. При этом заметное место продолжало отводиться военному ведомству.

В 1910 году Комитетом по заселению Дальнего Востока был поднят вопрос об объединении топографической деятельности вокруг КВТ. В свя-

зи с этим Межведомственная комиссия, созданная для рассмотрения данного вопроса, 5 мая 1910 года рекомендовала всем заинтересованным организациям заранее предоставлять в Военное министерство свои предположения о необходимых для них на Дальнем Востоке топографических съемках, астрономических и геодезических работах для последующего обсуждения в особом Межведомственном совещании при Военно-топографическом управлении [РГИА, ф. 391, оп. 4, д. 667, л. 16].

С завершением русско-японской войны развернулась совместная деятельность Приамурского ВТО и гражданских ведомств по освоению Дальнего Востока. В 1906 году на средства Переселенческого управления к востоку от Уссурийской железной дороги была произведена пятиверстная рекогносцировка бассейнов правых притоков р. Усури [Смагин ..., 2015, с. 198]. Возобновились топогеодезические работы в Приморско-Амурских золотоносных районах. В 1908 году производителями топографических работ было снято в Верхнезейском золотоносном районе и в бассейне верховьев рек Селемджи и Нимана 3300 кв. верст, в 1910 году в Тимтомском и Зейско-Буреинском районах — 1945 кв. верст, в 1911 году в Тимтомском районе — 2200 кв. верст, в районах озера Огорон и рек Тукси, Дугды и Нора — 1400 кв. верст, по течению рек Ульмы, Туюна и Буреи одним офицером пройдено 675 верст, в 1913 году в Амурской области в районах ранее производившихся съемок — 1882 кв. версты [Записки ..., 1916, с. 42]. В 1911 году в Приморско-Амурских золотоносных районах по заданию Геологического комитета астрономом А. Ф. Ахматьевым определено 20 пунктов [Записки ..., 1912, с. 44]. В процессе подготовки строительства Амурской железной дороги чины Приамурского ВТО были заняты прокладкой в районах изыскания железнодорожной магистрали тригонометрических цепей, топографическими съемками и определением для них посредством хронометрических рейсов опорных пунктов.

5. Заключение

Обострение борьбы между ведущими мировыми державами за господство в Восточноазиатском регионе, углубление противоречий с Японией привели к тому, что Дальний Восток в конце XIX века оказался в сфере пристального внимания правительства: было образовано Приамурское генерал-губернаторство, началось строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, увеличилось военное и экономическое присутствие Российской империи в Китае. Составной частью освоения Дальнего Востока являлось накопление сведений о климатических условиях, природных богатствах, населении края и сопредельных территорий, проведение топографо-геодезических работ.

Развертывание топогеодезических работ на Дальнем Востоке было во многом связано с созданием в 1884 году Приамурского военно-топографического отдела. Его возникновению предшествовала деятельность чинов КВТ, Восточно-Сибирского ВТО, учрежденного в 1866 году. Как показывают данные, в конце XIX — начале XX веков Приамурский ВТО становится важнейшим элементом системы организации топографических и астрономо-геодезических работ в Восточноазиатском регионе. В 1898—1903 годах Приамурский ВТО участвовал в проведении топогеодезических работ на Ляодунском полуострове и в Северной Маньчжурии. В годы русско-японской войны значительная часть численного состава отдела была занята в районе театра военных действий.

Заметный вклад Приамурский ВТО внес в обеспечение экономического развития дальневосточных земель — во время строительства Транссиба и Амурской железной дороги, геологических исследований в Приморско-Амурских золотоносных районах. Подводя итоги геологическим исследованиям в Зейском районе за 1898 год, горный инженер П. К. Яворский, подчеркивал, что они могли быть начаты лишь по получении результатов топографических работ Приамурского ВТО 1897 года [Яворский, 1900, с. 3].

После окончания русско-японской войны существенно вырос объем топографо-геодезических работ, производимых на территории Дальнего Востока на средства различных учреждений и ведомств. По данным старшего геолога Геологического комитета Э. Э. Анерта, представленным на Первом Всероссийском съезде маркшейдеров в 1913 году, к 1911 году за счет военного ведомства была снята площадь в размере 204 тыс. кв. верст, горного — 89 000, лесного — 30 000, путей сообщения — 78 000, разных ведомств и частных компаний — 10 000. При этом значительная часть этих съемок была выполнена топографами КВТ и Приамурского ВТО [РГИА, ф. 58, оп. 2, д. 77, л. 3].

Источники и принятые сокращения

1. *Записки* Военно-топографического отдела Главного Управления Генерального Штаба. — Санкт-Петербург, 1877. — Ч. XXXV. — Отделение I. — С. 1—67; 1886. — Ч. XLI. — Отделение I. — С. 1—39; 1888. — Ч. XLII. — Отделение I. — С. 1—50; 1898. — Ч. LV. — Отделение I. — С. 1—44; 1900. — Ч. LVII. — Отделение I. — С. 1—44; 1901. — Ч. LVIII. — Отделение I. — С. 1—84; 1903. — Ч. LX. — Отделение I. — С. 1—140; 1905. — Ч. LXI. — Отделение I. — С. 1—309; 1906. — Ч. LXII. — Отделение I. — С. 1—222; 1910. — Ч. LXIV. — Отделение I. — С. 1—100; 1912. — Ч. LXVII. — Отделение I. — С. 1—208; Петроград, 1916. — Ч. LXX. — Отделение I. — С. 1—140; 1918. — Ч. LXXII. — Отделения I и II.

2. *Коверский Э. А.* Чем располагаем мы для изучения топографии нашей территории в Азии, и какие результаты достигнуты по этой части? / Э. А. Коверский. — Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1891. — 39 с.

3. *Надаров И.* Письма из Южно-Уссурийского края / И. Надаров // Военный сборник. — 1888. — № 12. — С. 479—493.
4. *Обзор* деятельности морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича, 1855—1880. — Санкт-Петербург : Типография Мор. М-ва, 1880. — Ч. 2. — 995 с.
5. ПСЗРИ-III. — *Полное* собрание законов Российской империи. III собрание. — Санкт-Петербург, 1884. — Т. IV. — № 2245 ; 1887. — Т. VII. — № 4615.
6. *Российский* государственный исторический архив — РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 77 ; Ф. 364. Оп. 6. Д. 8 ; Ф. 391. Оп. 4. Д. 667.
7. *Список* генералам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е января 1911 года. — Санкт-Петербург : Военная типография, 1911. — 1088 с.
8. *Яворский П. К.* Геологические исследования в Зейском золотоносном районе в 1898 году / П. К. Яворский // Геологические исследования в золотоносных областях Сибири. Амурско-Приморский золотоносный район. — Санкт-Петербург : Типолитография К. Биркенфельда, 1900. — Выпуск I. — С. 1—47.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барбенко Я. А.* Исследовательская работа на юге Дальнего Востока второй половины XIX — начала XX веков как предпосылка управления аграрной колонизацией : практика 1850—1860 гг. / Я. А. Барбенко // Известия Восточного института. — 2016. — № 4 (32). — С. 73—91.
2. *Глушков В. В.* История военной картографии в России (XVIII — начало XX в.) / В. В. Глушков. — Москва : ИДЭЛ, 2007. — 528 с. — ISBN 5-85496-088-7.
3. *Де-Ливрон В. Ф.* Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов за первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича (1855—1880 гг.) / В. Ф. Де-Ливрон. — Санкт-Петербург : Военная Типография, 1880. — 130 с.
4. *Демьяненко А. Н.* Дальний Восток : между империей и СССР / А. Н. Демьяненко // Регионалистика. — 2018. — Т. 5. — № 1. — С. 5—18. — DOI: 10.14530/reg.2018.1.5.
5. *Захаренко И. А.* История географического изучения и картографирования Дальневосточного пограничного пространства России и Китая (середина XVII — начало XX в.) : диссертация ... доктора географических наук : 07.00.10 / И. А. Захаренко. — Москва, 2009. — 424 с.
6. *Захаренко И. А.* Картография Уссурийского края (русские исследования середины XVII — начала XX в.) / И. А. Захаренко // Вестник ДВО РАН. — 2009. — № 2. — С. 143—160.
7. *Пестушко Ю. С.* Корея в русско-японских отношениях (последняя треть XIX — начало XX в.) / Ю. С. Пестушко // Россия и АТР. — 2014. — № 1 (83). — С. 172—183.
8. *Постников А. В.* История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII — начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы / А. В. Постников. — Москва : URSS, 2018. — 386 с. — ISBN 978-5-9710-5318-7.
9. *Смагин Р. Ю.* Военно-топографическая служба в Сибири в XIX — начале XX века : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Р. Ю. Смагин. — Новосибирск, 2015. — 366 с.
10. *Ушаков Ю. Н.* Русско-японские отношения накануне войны 1904—1905 гг. / Ю. Н. Ушаков // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного

института точной механики и оптики (технического университета). — 2003. — № 8. — С. 143—144.

MATERIAL RESOURCES

- Koversky, E. A. (1891). *What do we have to study the topography of our territory in Asia, and what results have been achieved in this regard?* St. Petersburg: A. S. Suvorin Printing House. 39 p. (In Russ.).
- List of generals by seniority, I, II and III. Compiled on January 1 st, 1911.* (1911). St. Petersburg: Military Printing House. 1088 p. (In Russ.).
- Nadarov, I. (1888). Letters from the South Ussuri region. *Military collection*, 12: 479—493. (In Russ.).
- Notes of the Military Topographic Department of the Main Directorate of the General Staff.* (1877). St. Petersburg. (In Russ.).
- Overview of the activities of the maritime administration in Russia in the first twenty-fifth anniversary of the prosperous reign of the Sovereign Emperor Alexander Nikolaevich, 1855—1880, 2.* (1880). St. Petersburg: Printing House of the Sea. M-va. 995 p. (In Russ.).
- Russian State Historical Archive — RGIA. F. 58. Op. 2. d. 77; F. 364. Op. 6. D. 8; F. 391. Op. 4. D. 667.* (In Russ.).
- The complete collection of laws of the Russian Empire. III assembly.* (1884). St. Petersburg. (In Russ.).
- Yavorsky, P. K. (1900). Geological studies in the Zeisk gold-bearing area in 1898. In: *Geological research in the gold-bearing regions of Siberia. Amur-Primorsky gold-bearing area, I.* St. Petersburg: Typol-Lithography of K. Birkenfeld. 1—47. (In Russ.).

REFERENCES

- Barbenko, Ya. A. (2016). Research work in the south of the Far East of the second half of the XIX — early XX centuries as a prerequisite for the management of agrarian colonization: the practice of 1850—1860. *News of the Oriental Institute*, 4 (32): 73—91. (In Russ.).
- De-Livron, V. F. (1880). *A historical sketch of the activities of the Corps of Military Topographers for the first twenty-fifth anniversary of the prosperous reign of Sovereign Emperor Alexander Nikolaevich (1855—1880).* St. Petersburg: Military Printing House. 130 p. (In Russ.).
- Demyanenko, A. N. (2018). The Far East: between the Empire and the USSR. *Regionalism*, 5 (1): 5—18. DOI: 10.14530/reg.2018.1.5. (In Russ.).
- Glushkov, V. V. (2007). *History of military cartography in Russia (XVIII — early XX century).* Moscow: IDEL. 528 p. ISBN 5-85496-088-7. (In Russ.).
- Pestushko, Yu. S. (2014). Korea in Russian-Japanese relations (the last third of the XIX — beginning of the XX century.). *Russia and the APR*, 1 (83): 172—183. (In Russ.).
- Postnikov, A. V. (2018). *History of geographical study and mapping of Siberia and the Far East in the XVII — early XX century in connection with the formation of the Russian-Chinese border.* Moscow: URSS. 386 p. ISBN 978-5-9710-5318-7. (In Russ.).
- Smagin, R. Yu. (2015). *Military topographic service in Siberia in the XIX — early XX century.* PhD Diss. Novosibirsk. 366 p. (In Russ.).

- Ushakov, Yu. N. (2003). Russian-Japanese relations on the eve of the war of 1904—1905. *Scientific and Technical Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Precision Mechanics and Optics (Technical University)*, 8: 143—144. (In Russ.).
- Zakharenko, I. A. (2009). Cartography of the Ussuri region (Russian studies of the mid-XVII — early XX centuries). *Bulletin of the FEB RAS*, 2: 143—160. (In Russ.).
- Zakharenko, I. A. (2009). *History of geographical study and mapping of the Far Eastern border area of Russia and China (mid-XVII — early XX century)*. Doct. Diss. Moscow. 424 p. (In Russ.)